

СМЕНА

5

1947

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ВАЖНАЯ ИНИЦИАТИВА СТАХАНОВА И МАТРОСОВА

Фото Г. Воронина

включено новые и новые доказательства возможности повышения темпов производства на основе роста производительности труда.

Одна из наиболее ярких примеров революционного в этом смысле инициативы стахановского движения является почти британский заводской नेता московской фабрики «Ленинская коммунка» Василий Матросов. Об инициативе Матросова мы шире и шире становимся известно в стране. Сообщения из Ленинграда, Омска, Киева, Горького, Ярославля и других городов говорят о том, что опыт «лишневской коммунки» воспринят как лучшее и большее дело.

Что же сказал Матросов, что его предложение вышло такой широкой откликом и поддержку? В прошлом году Василий Матросов вымолил 20 годовых норм, да еще премиальную доплату. Новый уровень производительности труда. При этом он сэкономил 11 770 квадратных метров чистой кожи, что эквивалентно дополнительным 1000 пар обуви.

Как инициатор новатор производства, Матросов рассуждает «то, что делал и, достигну выходя, делал лишь научиться считать, прежде всего только минутами, но и секундами». Он пошел работу британца, даже с мельчайшим количеством людей, значительно повышает производительность труда. В течение всего прошлого года его бригады, уменьшенная по количеству с 9 до 5 человек, держала первенство в сорочечном цехе, выполняла и последние месяцы норму на 250 и 270 процентов.

Когда на исходе совещания обсуждали задачи первого квартала 1947 году, Василий Матросов, исходя из своего богатого производственного опыта, высказал предложение создать общезаводской метод внедрения стахановских методов труда с тем, чтобы подтянуть всех работников до уровня и не ниже своего. Он предложил Матросову, такой общезаводской или общезаводской метод, так делал и, достигну выходя, делал лишь научиться считать, прежде всего только минутами, но и секундами». Он пошел работу британца, даже с мельчайшим количеством людей, значительно повышает производительность труда. В течение всего прошлого года его бригады, уменьшенная по количеству с 9 до 5 человек, держала первенство в сорочечном цехе, выполняла и последние месяцы норму на 250 и 270 процентов.

Предложение Матросова — не кабинетная выдумка. Опыт фабрики «Ленинская коммунка» подтверждает жизнеспособность и реальность инициативы Матросова. Только там, где работники стахановские, на несколько дней вперед и большей частью осуществлено 137 ранее принятых бригадировских предельных. Лучшие люди фабрики уехали своим поном отставками. Их заменой несли солдаты и уже работали делать новых стахановских инициаторов. Тысячи деталей производят стахановцами, чтобы создать вышину производительности его труда. Подтянуть до уровня и не ниже своего.

Историческая победа советских вооружений была названа СССР производством, культурной XVIII съезда партии. Мы теперь работаем с тем, чтобы организовать второй новый шаг, который обеспечит бы в будущем полную гарантию стране от всякого ущерба. Для этого нам нужно прежде всего решить задачи, намеченные новой сталинской пятилеткой, — восстановить уровень производительности в колхозном хозяйстве и в значительной мере улучшить в животноводческих хозяйствах.

Новый инициативный план исходит из валад осуществления быстрых темпов материального производства. Это жизненно необходимо для нашей отечины. И вот в этих условиях вопрос обретает особую актуальность. — писал В. И. Ленин — это, в последнем себе, самое важное, самое главное для победы нового общественно-экономического строя.

Сталинская пятилетняя пятилетка, как и предыдущие, исходит из того, что увеличение производительности труда в СССР увеличилось на 41 процент, во второй пятилетке на 82 процент, за первые три года третьей пятилетки — на 30 процентов. По темпам роста производительности труда СССР опережал все капиталистические страны. Однако это не выводит нас успокоиться. В области производительности труда мы еще не достигли довоенного уровня.

И новой инициативой предлагается достигнуть роста производительности труда к 1950 году (по сравнению с 1940 годом) на 58 процентов в промышленности и на 40 процент в строительстве.

Реализация такой рост производительности труда требует, чтобы в 1946 году, когда сотни и тысячи предприятий и целые отрасли промышленности достигли уровня и выше довоенного уровня. Социалистический способ производства дает неизмеримо большие возможности для повышения производительности труда. Подъем социалистического соревнования и стахановского движения приносит нам по-

считая все свои ranges не использованные возможности, коллектив фабрики «Ленинская коммунка» привел общественности для их осуществления в прошлом году, что если не больше, чем в прошлом году.

Но если это, что если не больше предложение Матросова выдвигает повсюду широкое применение страны, плановая задача, дополнительные возможности для роста производительности. И, конечно, на первом плане работы они говорят, чтобы Матросов сыграл огромную роль в борьбе за досрочное выполнение второй сталинской пятилетки.

В последние дни широко разнесено по всей стране патристическое обращение коллективами заводскими, предприятиями, бригадами, рабочими, инженерам, техникам, мастерам и служащим промышленности Советского Союза. Ленинград-

Инициатор фабрики комсомольско-молодежной бригады фабрики «Ленинская коммунка» Г. Илюшкин.

цы предельно, как известно, ознаменован тридцатилетием Великой Октябрьской социалистической революцией досрочным — 7 ноября — выполнением плана второго года послевоенной пятилетки.

Прямая работаю горододелер, города Ленина, где впервые появилась необходимость плана отбавля, уже нашей очередь подтяжку по всей стране. Социалистическое соревнование поднимается выше на волею ступени. Все комсомольские люди устремлены сейчас на то, чтобы достойно встретить славный праздник. И вот в этих условиях всемерно соревнование тем больше значение приобретает почите стахановца В. Матросова, направившим на то, чтобы добиться выполнения отставками по уровню передовым, использовать амбициозно у нас большие ресурсы для роста производительности труда.

Творца об этих передовых инициатив, творца Сталин показал, что когда наша партия ставила задачу переселиться с обширной мужицкой Земли на лопатки курьяной великой индустрии, режимом экономики и мобилизации средств для финансирования индустриализации. «Смысла жизни» — говорил товарищ Сталин. — Трудовой путь! Но наша партия не отступает и инициатива Ленинской партии, что она не имеет права браться трудиться.

В наши дни послевоенной сталинской пятилетки мы ставим перед собой не менее сложную и трудную задачу: осуществить восстановление промышленности иное быстрое, чем это было сделано в послевоенный период. Не менее оживления первой мировой войны в гражданской войне. Мы должны сделать, чтобы наша партия не отступает и инициатива Ленинской партии, что она не имеет права браться трудиться.

Можно не сомневаться в том, что наша молодежь внесет свой вклад в общее и нужное дело распространения опыта Василия Матросова.

Можно не сомневаться в том, что наша молодежь будет в первую очередь стахановцами, отмечаясь делом на первом Ленинградцах!

«Стахановский» Фабрика «Ленинская коммунка» Василий Матросов.

Стахановский Фабрика «Ленинская коммунка» Г. Илюшкин, выполняющий план на 450 процентов.

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Март, № 5, 1947 год.

Год
издания
24-й

Фото Г. Борсова

Осень 1919 года. Кольцо правящей блокады со всех сторон сжало молодую Республику Советов. В Архангельске выследились англичане; в Сибири орудуют остатки козачьих войск; под Петроградом стоит Юденич, готовый в любую минуту обрушиться на город — колыбель революции; с юга надвигаются полчища Деникина.

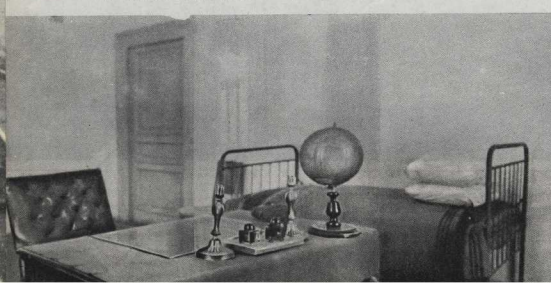
Это был второй комбинированный поход Антанты против пролетарской России. Центр тяжести этого похода «14-ты государств» лежал на юге, в районе действия Деникина.

21 сентября Деникин занял Курск, потом Орёл и в середине октября, подойдя к Туле, создал непосредственную угрозу для Москвы. Над страной явилась смертельная опасность. Необходимо было в кратчайший срок остановить продвижение войск империалистической Антанты, отбросить их от Тулы, отстоять Москву. И Ленин от имени Центрального Комитета партии большевиков обратился к трудящимся страны со следующим призывом: «Все на борьбу с Деникиным!»

Народ, в первую очередь рабочий класс, ответил на призыв партии организацией добровольческих полков, которые тут же отразились на фронте. Но положение стало хуже: всё напряжение. Южный фронт продолжал откатываться назад. «Нужен был руководитель, который сумел бы сплотить сотни тысяч бойцов, сменить вояк их единой волей и обрушить на врага»¹.

¹ «Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография», издание второе, стр. 77.

Рабочий стол в комнате, где в октябре — декабре 1919 года жил товарищ Сталин.

В СЕРПУХОВЕ

С. КРУТИЛИН

И снова, как и в разгар тяжелых боёв за Париж, как и в период Пермской катастрофы, Центральный Комитет партии направляет из Южный фронт товарища Сталина.

11 октября 1919 года И. В. Сталин приехал в город Серпухов, где в то время находился штаб Южного фронта, с тем, чтобы отсюда непосредственно руководить действующими войсками. Иосиф Виссарионович остановился в доме, находившемся недалеко от штаба, на улице Чехова, 87.

Ныне в этом доме помещается Серпуховский историко-краеведческий музей. Комната, в которой жил товарищ Сталин, сохранена в том виде, каково она была двадцать восемь лет назад.

В центре этой комнаты, против окна, стоит небольшой письменный стол. На нём — чернильница, прибор, ручка, два подсвечника, полковой бивальня в футляре, глобус. Рядом со столом, в левом углу — койка, покрытая серым солдатским одеялом, возле которой поставил маленький козлик. Слева, рядом с легкой застеклённой дверью, ведущей на балкон — тумбочка с телефонным аппаратом; в углу между двумя высокими, венесуэльскими окнами — диванный шкаф. У стола — старинное, широкое кресло, по углам — несколько военных стульев. Стены комнаты украшают два полотна неизвестных

художников; но одним из них изображён Неаполь середины XVIII века, на другом — фрегат, застигнутый бурей.

В залах, расположенных рядом с комнатой вождя, теперь размещены экспонаты, отражающие деятельность товарища Сталина в период организации борьбы с Деникиным. Придя на фронт, товарищ Сталин прогнал из штабов обанкротившихся ставленников Троцкого и потребовал полного немедленного Троицкого в дела фронта. Среди многочисленных документов видное место занимает схема стратегического плана разгрома Деникина, разработанного товарищем Сталиным попорки преступному плану Троцкого.

Сталинский план является классическим примером верного выбора направления главного удара. Товарищ Сталин подверг резкой критике старый план Главыма, предлагавший нападенье главного удара от Парижана на Новороссиеский через Донецкие степи: «Не-че и доказывать, — писал товарищ Сталин В. И. Ленину, — что этот сумасбродный (преподлагает) поход в среде ересьдейбой нам, в условиях абсолютного бездорожья — грозит нам полным крахом»².

Товарищ Сталин предлагал теперь же, по-терпя времени, изменить уже отменённый практикой старый план, изменить его планом главного удара из района Воронежа через Харьков — Донецкий бассейн на Ростов. Во-первых, здесь мы будем иметь спуск на враждебных, наоборот — симметризирующую нам, что облегчит наше продвижение. Во-вторых, мы получаем важнейшую железнодорожную сеть (донецкую) и основную артерию, питающую армию Деникина, — линию Воронеж — Ростов. В-третьих, этим продвижением мы раскесаем армию Деникина на две части, из коих: добровольческую оставилим на съездеии Махно, а казачью армию ставим под угрозу захода им в тыл. В-четвёртых, мы получаем возможность поспорить казакон с Деникиным... В-пятых, мы получаем устье, а Деникин остаётся без устья»³.

Центральный Комитет партии принял Сталинский план, который и был блестяще осуществлён Красной Армией.

Под непосредственным руководством товарища Сталина наша армия нанялась решительное поражение Деникину в бою под Воронежем, после чего он вынужден был отступать на юг, оставая город за городом.

Документы, представленные на стенах музея, — письма, телеграммы, фотографии — отражают кипучую деятельность товарища Сталина — полководца, организатора победы над врагом.

Сейчас в Серпуховском историко-краеведческом музее открыты новые залы, где наша Отчезина Великая Отечественная война. Перед входом в эти залы — большой портрет Генералиссимуса Сталина и надпись: «С нами Сталин — с нами победа...»

² И. В. Сталин, Сочинения, Т. IV, стр. 276.
³ И. В. Сталин, Сочинения, Т. IV, стр. 276-277.

Урожай.

Рисунок П. Баранова.

П. БЕЛЯВСКИЙ

ХЛЕБ

Пшеничные караван — пыльные, поджаренные жаром печи, с прожарками кашуныстых листьев исподу и золотистой, хрусткой корочкой собору — лежит на чистом столе, на белоснежных рушниках на дачке перед печью, на застелке. Формой и цветом они воспроизводят в сильно увеличенном масштабе спелые зёрна пшеницы. Дух от каравана идёт такой смуглый и тёплый, что проходящие мимо хаты колхозники останавливаются, поводят носами.

— Ульяна хлеба выпивает!

Ульяна Петровна Овсинникова печёт хлеб для всех работающих на токах валин от себя. Сильные руки крестьянки делают свой дело умело и проворно. Лицо её серьёзно и одухотворено. Она священнодействует, эта дорожная уральская казачка, поклае русской печи.

— Вот он, хлеб испечённый, дородный человеку, жизнь и силу! Вот труд крестьянина, возвращённый ему землёй!

— Хлебужиш! — ласково говорит Ульяна Петровна, сбрасывая с лопаты караван. — Вернётся он теперь обратно, и поле, к людям, будет им спорнее молотить. Намолотит колхозники зёрна, сладут государству, и пойдёт наш ключевский хлеб по всей России: в города, на заводы, на шахты, в нашу Армию... Хлеба у нас много, в других местах, слышно, не уродилось, а наша земля нас не обижает. Эвон какие скруды в степи стоят!

Голос Ульяны Петровны плазучий, мечтательный.

Но Николай Фёдорович, муж колхозной пекаряки, горит нетерпением.

— Да кончай ты, Петровна, быстрее! — торчит он жему. — Люди ждут!

Овсинников спешит за реку, к четвёртой бригаде. Там её самый дальний в колхозе «Третий решающий». Ехать туда надо на перекладных: до стана — на колёсах, через заледевшую только у берегов реку Уй, а дальше, от стана до комбайна, — на санях, казакской степью. Много сообщается с бригадой вет. Пока доберёшься, — гляди, и обедать время. А в бригаде происходит что-то невидное.

С вечера в степе выехали тракториста Семёна Воронихина. Он похвалился, что купил у приваже из Златоуста двухствольное ружьё, отдал за него десять пудов муки и собирается утром пойти на охоту: время-де такое, что укусить никак нельзя, а с обмолотом можно и погодить. Видели на улице и некоторых девчат из бригады. А утром в приваже зашёл бригадир трактористов Фёдор Печёркин и сказал, что приехал кооп за какими деталями к комбайну: всё одно молотить там настоящей нет, вчера обмолотили неполюну врыкзалду — урожай примерно с двух гектаров вместо пятидесяти, а сегодня и того не намолотит: «Обслуживающий персонал разошёлся ко куда».

У Николая Фёдоровича от таких вестей сразу засосало под ложечкой: скруды сложенные на

скорую руку, пойдёт снег, подымутся бураны и зальёт скруды, и будет их подчехлять к ним, ни поדותи.

Председатель колхоза Сергей Наливайченко поставил Печёркина начальником агрегата, подчинив ему, работнику МТС, полеводческую бригаду. Наливайченко в колхозе недавно. До колхоза он был на административной работе, говорит об этом скрата и нескрата и действует в артельном хозяйстве как плохой администратор: выкивает, грубит. Демократические основы колхозной жизни не поваты им.

С того дня, как Наливайченко поставил старшим Печёркина, бригадир Решетников опустил руки и дисциплина в четвёртой бригаде пошатнулась. Печёркин делает вид, что это его не касается, обо всём он рассуждает «стехически». Вот и сейчас, стоя перед председателем колхоза в приваже, он упрямно твердит одно и то же:

— Моё дело — машины. А людей я собирать не буду.

— Да ведь механизм для того существует, чтобы хлеб молотить! — стонет Наливайченко. — Хлеб стоит! А вы тут, Фёдор Васильевич, шипитесь: «моё», «не моё»...

Печёркин разводит руками и опять начинает что-то своё о клавишах, лопастях, прокладках, и Наливайченко безнадежно машет рукой.

А хлеб не ждёт.

Тревога за хлеб гонит Овсинникова в степь.

«земле-кормилице» сблизилась её с Овсянниковым, хотя Семёнова росла в иных условиях, в иное время, в иных местах. Она родилась на Смоленщине, в лесной деревне, которую в войну сожгли немцы. Земля её родины была сурдинистой, трудной, скупой, да и той было мало. И когда из Зауралья приехали гонимы звать к себе людей, которые не боятся «просторного» труда, она с радостью откликнулась на их призыв.

Так встретилась на бригадном стане за Уем старый уральский хлебороб и смоленская комсомолка.

5

Вечерет. От ометов на подтаявший за день снег ложатся длинные тени. В воздухе стоит чистое предвесеннее затишье. Так падают перья подснежника. Вот-вот, гляди, прилетит грач. В лёгких санках по дороге к Ключёвке едут двое: Овсянников и Нина. Вокруг тишина и беспредельность степи. Положа оставяют доходящие, чёрны, как сажа, елдь.

Некоторое время они едут молча, потом затевают разговор. У обоих одна дума: поднять нынешней весной как можно больше этих запущенных, целинных земель, по которым они едут. Николай Фёдорович рассказывает, что даже в единоличное время, когда крестьянину удавалось кое-как освоить эту здесь почву на самую малую глубину, она без всяких удобрений давала на мышь ста пудов с десятины. А теперь-то, при колхозном техническом могуществе — при тракторной-то обработке да при хорошем наблюдении, — что может получиться! Вот и в сорках летом году, ещё от войны не успевя отойти, «Третий репашник» собрал на целине по 23 центнера с гектара!

Они возвращаются в село довольные тем, что видели. Снега на полях накопилось много. Пересечены эти поля цепями снегозадержания. На участках озвёзья растут холмы удобрений.

Планы у обоих большие, но в Овсянников и Нина уверены, что их поддержит народ, как поддержка всегда, когда они предлагали что-нибудь новое из удававшихся опытов и удачливее председателя колхоза Налавайченко.

В правлении колхоза они нашли необычно много для такого будничного дня дюжей. Ожидательный шум голосов изменился, что произошло нечто выходящее из ряда вон.

— А мы только вас и дожидались! — встретил вошедших районный работник, приехавший в колхоз. В руках его была газета. Он постучал карандашом о графин с водой.

— Товарищи колхозники, только что мы получили Постановление Пленума Центрального Комитета партии «О мерах подъёма сельского хозяйства в послевоенный период». Тут сказано слово нас с вами касается. Прочту вышissimi... Но пресечь о внимании не было надобности. В переполненной колхозники и комсомольцами комнате стало так тихо, как если бы в ней никого и не было. Представитель района читал.

— Теперь, после перехода к мирному строительству, перед нашей партией и государством снова во весь рост встала, как самая неотложная задача, — обеспечить такой подъём сельского хозяйства, который позволил бы в кратчайший срок создать обильное продовольствие для нашего населения, сырьё для лёгкой промышленности и накопление необходимых государственных производственных и смирных резервов...»

— Вот откуда поддержка-то нам пришла, а! — восторгался Овсянников, стоя на крыльце вместе с колхозниками четвёртой бригады.

Собрание уже давно давно закончилось, ветухи в который раз напоминали о наступлении новом дне, а люди всё ещё никак не могли расстаться и разойтись по домам.

— Истинно, что ни слово, то в самую точку! — продолжал Николай Фёдорович. — «...Считать основной задачей повышение урожайности зерновых культур...» Слыхал, Нина Ивановна, что партия говорит?

— Он впервые изложил для самого себя издала Семёнову во время отлучки: эта комсомолка, предвосхищая своей работой в бригаде многих из того, что было сказано в Постановлении, как-то выросла блуду и его глазах ещё больше.

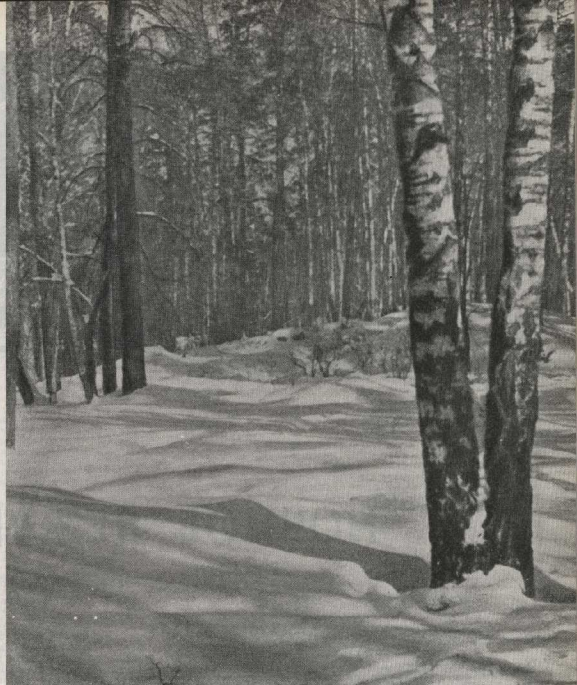

Фото Г. Борисова.

А. МЫШКИН

МАРТ

Ветер терпкий, как кислянка.
Грай — игра граничных холм.
Мартовскому снегу снится
наводнение и потоп.

Трактора тарахтит фары.
Трактора горюют старт.

— Мы не ржавы!

Ну, пора!

Скомандуй, март!

— Начинаем!

Март ружью мах-
нул. Приказ его примил!

Он впервые изложил для самого себя издала
Семёнову во время отлучки: эта комсомолка,
предвосхищая своей работой в бригаде многих
из того, что было сказано в Постановлении,
как-то выросла блуду и его глазах ещё больше.

Смелости и ветра полный
парус марта над страной.
Обгоняет стрелы молний
телеграмма полевой.

Пусть дружей и гуще выходит
первоклассное зерно!
На работе не подводит
комсомольское звено.

Льётся слава по бригадам
о парничках работных.
Станисским алуратом
будет кто-нибудь из них.

И живут одним дыханьем —
общей душой об одном
академии и механики,
полевод и агроном...»

По распаханным траппам,
по эскарпам, стёртым с карт,
он проходит, хороще —
круглолицый, крепкий март.

Одари нас новой славой,
вражьи козляя угрожай,
полимиями, веди чужой,
тебя вымалый урожай!

К. ЮЗЕФ

НОЧНОЕ ДЕЖУРСТВО

Рассказ

Побсыпались тяжёлые удары стенных часов. В пустой и холодной комнате дежурного по делу долого дрожала их стонущий звон. Приблиз десять. Рындин притрокнул газла. Мерцающая на столе ламповым огонёчком свеча дрыглась, и печальные адепски пламени трепетала, готовые вот-вот погаснуть.

«Надо бы спать натар», — подумал дежурный. Но он застаив себя закрыть глаза. Нужно встать со стула и полойти к столу. А до стола шагов пять. С тех пор, как появились слова «блокада» и «голом», Рындин приучил себя строго расчиывать движения.

В эти дни в Ленинграде снизили нормы хлеба: служащим до 175 граммов, рабочим до 250. Бережно заметивший в шерстяную граночку, хлеб дожда в боковом кармане, на груди. Раньше в этом чёрно-коричневом квадратике, покоем на торф, он ни за что не признал бы хлеб. Сейчас Рындин не знал сиденье искусствен, чем жеманье съест этот кусочек хлеба. Руки несомненно тянулись к карману. Он отламывала зотными маленькими щепотками и осторожно кала их в рот. Он не ел, а смаковал, подолгу наслаждаясь кисловето-горьким вкусом.

Невозможно отогнать сверлящую мысль о хлебе. Вместо заветывающих сладостную дремоту звуков часы начинали кидать тяжёлые, как камни, удары: хлеб-хлеб, хлеб-хлеб... Но нужно беречь оставшиеся ломтики и как можно меньше двигаться, чтобы зря не расходовать силы. Пусть тиснет свеча. Он должен сидеть вот так спокойно, блаженно, выткнув ноги. Впереди ещё много важной работы. Со станции Ладожское озеро вышли два состава с продовольствием для Ленинграда. Нужно встретить паровозы: снабдить топливом, водой и сразу же до рассвета возвратит с порожними составами обратно. Иначе составы последут под обстрел немецких орудий.

Поезда ведут машинисты Самойлов и Нелбаев. Василий Нелбаев отправился из Ладожского озера давно и должен уже быть где-то на подходе.

Вражеские самолёты всё время охотятся за поездами. Рындин ясно знает высушенного по полке из окна паровозной будки машиниста. Состав идёт без свистлов, и истощённое, каменсто-серое лицо механика напряжённо и сурово. Маневрируя скоростями, он уклоняется от палящих бомб. Поезд то

пятится назад, как бы отступая, то, словно в атаку, устремляется вперёд. Машинист знает, что впереди — истомлённый голодом и тревогами город.

А сегодня лунная ночь. Странно подумать, что бомба может угодить в состав с хлебом или покарнить паровоз. Во всё дело осталось только два здоровых паровоза. Остальные стоят сасденские. И машинистов становится всё меньше и меньше... В этом кресле, где он сейчас сидит, три дня назад спочинался старый мастер Антон Баранов. О нём говорили, что он сумеет бы подковать и блоку. Когда предсмертная судорога пробежала по хилому телу мастера, кресло закатчалась и жалобно заскрипело. Потом всё смакло. Только кресло стучали часы.

Часы Рындин принёс из своей покоснутой квартиры. Откуда появилась каталка, — никто не знал. Перед войной он хотел её выбросить отсюда: быловето, чтобы у дежурного по делу стодала лёгкомысленная каталка... Хорошо, что он не выбросил её тогда. Сейчас, когда нужно быть таким скрутым в движениях, каталка берегала силы...

В это время каталку сильно отбросило назад. Гул взрыва ворвался через распавшиеся дивер. Свеча потреска. Стало темно и жутко. В облятой мраком комнате опшало замстакане красные и синие шарик, образуд дико вертящийся круг. Раньше, в первые дни налётов, этот безумный кругозорот мрака вызывал у Рындина тошноту. Теперь он привык. Его не удивляло и то, что воздушная тревога объявлялась уже после того, как вражеские самолёты появлялись над городом. Ничего не поделаешь: немецкие аэродромы совсем близко, сразу за Невой, и немцы прилетают быстрее, чем доходит сообщения в штаб противовоздушной обороны.

Треском завыли сирены. Мощные рупоры угрожающе выкрикивали тревогу. Несмотря на то, что по несколько раз в день раздавались вопли сирен, Рындин не мог слышать их без волнения. Они разрывали сердце, наполняли досадой и печалью душу.

Холод пронизывала тело. Рындин плотнее нагнулся шиньсл, засунула руки в широкие объёмата и крепко сжал челюсти. Поезда мотут с минуты на минуту дообьют к станции.

Внезапно в прогнанные вопли сирены ворвались частые выкрики паровоза. Рындин насторожился. Тревожные свистки пар-

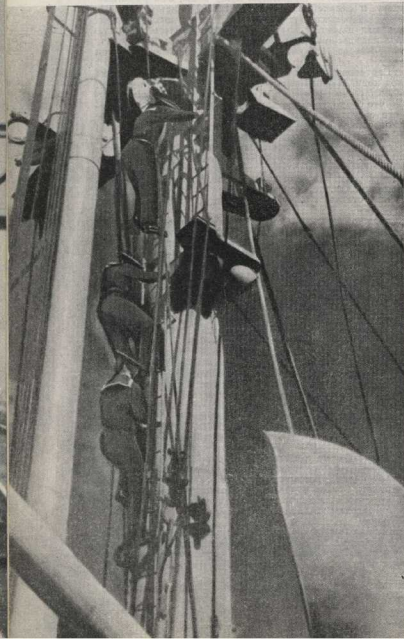

Их несут

МОРСКИЕ ПРОСТОРЫ

Фото А. Уляна

Будущие учителя матросов должны к совершенству знать службу на корабле. Умевшие с кошачьей цепкостью подниматься по вантам на реи, отважно работают на высоте мачт.

Дует ветер с Тихого океана, развевает флаги на корабельных мачтах, шумит и дергается Природного будара, трещат деши на бесконечной будара, заглушается неумолчный шумов порта. Здесь, бесстыдно, трудятся подвальные краны, движутся деши транспортеров, гудают пароводы и пароводы.

Корабли стоят у причалов и на рейде. Одни забирают и свои трюмы машины, оборудование и продовольствие для малой Кюшмы и островников Схальны, для арктических судов Чукотки и рыбных промыслов Камчатки; другие доставляя в порт кантовый жер и чирбок, лебедь и зорло, рыбу и ишуняну.

Владивосток — город моряков. Здесь встречаются мы, прославившихся капитанов дальнего плавания, бесстрашных морских пограничников, автобоек, подводников, сажмотерских труженников Северного морского пути. И здесь все трети владивостокских китайцев, бременитовых морозодов, в бушлатов застегите аккуратные форменные костюмы учащихся Владивостокского училища. Вот плут она, правдуки прославившихся русских морозодов, летела пин, но уличная Владивостокская, поют морские песни, и, види их, останется стар-ий капитан, строгим, пинувшим взором окинет колонну, исполнит свою вонючку и улыбаются. Загорится его галун. «Жорюши», — скажет он про себя, — жорюши.

Владивостокская владина был пиную морских орлят. Из владивостокского училища вышло много прекрасных морозодов. После революция училище было реорганизовано в техникум. Его окончил капитан дальнего плавания Герой Советского Союза Константин Валдига и Герой Советского Союза Андрей Ефремов.

Одним из первых в стране Владивостокское училище было организовано во Владивосток. Значение его огромно. Советский торговый флот постоянно расширяет по морям и океанам десятки миллионов тонн различных грузов.

Мощные грузовые и пассажирские суда, крупные судоремонтные и судостроительские верфи и шорты образуют сложное хозяйство морского флота. Наша морская торговля из года в год увеличивает свой флот и, естественно, нуждается в постоянном пополнении его новыми капитанами, штурманами, механиками, судостроителями, радионавигаторами и другими специалистами. Владивостокское училище морское училище выполняет эту большую и ответственную работу по подготовке морских кадров.

Проходите по владивостокскому училищу какое множество здесь навигационных приборов, судонных механизмов, деталей корабля, радиооборудования и штурт Моря и океаны, нанесенные на бумагу, открывают будущим судоводителям тайны своего гласуна, описные рефы, волновые скалы. Все это нужно знать и, еще не видя дельбы моря, уже теперь, в классе, мысленно представлять плавание в тропиках и в Антарктике.

Вот уже три года существует владивостокское училище. 6 марта, в день юбилея, в гости к морским орлятам пригласили бывалые морские владивостокцы. Стояли они гости училища, а внутри училища пинуют и нем по кораблю. Навстречу орлятка. Вступят дельбы вереводы, будет стурвон, смежный морской гурт.

Вперед океаны моря, вперед ардесть, будущих капитанов и штурманов. Счастливого плавания, друзья!

Утро... На учебном корабле приготовились к подъему флага. После этой торжественной минуты начинается трудовой день.

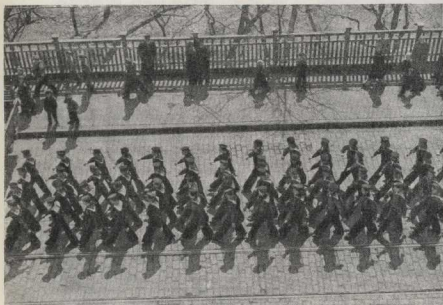

На всех кораблях давно работают радиостанции, но старинный способ передачи сигналов — с помощью флажков — попрежнему распространён среди моряков. Будущие мореходы в совершенстве изучают азбуку Морзе и с отменной быстротой разговаривают на «языке флажков».

Скоро сигнал на обед. В чистой, просторной столовой уже сервируются столы

Чеканя шаг, идут по улице Ленина будущие моряки. После занятий — прогулка, отдых, и снова сидят за парты юные капитаны.

После занятий учащиеся выходят на прогулку. Смотрят они с бульвара на корабли, покидающие бухту Золотой Рог, и говорят подругам: «Скоро и мы пойдём в плавание...»

В лаборатории по навигации перед учащимися открываются тайны сложных навигационных приборов и современных способов вождения судов в любую погоду, в любых условиях. Преподаватель А. И. Александров ведёт урок по навигации.

Наступил долгожданный час — учащиеся Высшего мореходного училища спустились на борт корабля. Раздались отальные гудки. Прощай, родной Владивосток! Начинается первое дальнее плавание.

ЗОДЧИЙ

Мой товарищ
Любил рисовать терема,
И мечтал он
Своими руками
Построить дворец в Ленинграде.
Он смотрел,
Как маяком рисует на етёках зима,
И оминет огрды
Сотница за обласко гетрала.
Он хотел разгадать
На соборах старинную роспись
И дивился,
Что камин совсем не старели.
А в душе
Он завидовал зодчему Росси
И хотел потягаться в искусстве
С Растрелли.
...Городок на Ловати
Был растоптан и взорван.
Вместо крыш палили небо класки голубые,
Вместо балок
Выселили китовые рёбра,
И стояли без окон дома, как голые.
Шёл с вокзала мой друг,
Спогибавшись о дымки.

(Был каминям разбитым
Город завален.)
Чтоб своими руками
Воскрянуть этот город
Из мёртвых развалин.
Мой товарищ
Любил рисовать терема
И мечтал он построить дворец...
Но сегодня,
Посмотрите:
Вырастает на прахе живые дома.
Этот ещё не успел вдохновиться свёб
Без лентных украшений,
Простое жильё
Он, как врач, неустыжно и бережно лечит.
Он ещё не успел вдохновиться свёб
В ленинградском граните узакончить.
Но теперь
Он покинёт товарищ постое своё,
Сколько кровель
Его терпеливые руки сограло!
И народом поставлено им его
Рядом с Росси
И рядом с Растрелли.

КРОВ НАД ГОЛОВОЙ

Л. ОГНЕВ

Поталови принёс странную открытку: «Барановка вновь существует. Приезжайте в Барановку! Собираются строить город. Долго я пытался расшифровать смысл этого загадочного послания и вспомнить личность краткосрочного корреспондента. Вдруг словно ярким свет разлился по мнимым годам и в памяти отчетливо всплыла одна порозная ночь.

Июльский вечер 1943 года. Мы едем в войска маршала Рокоссовского, расположенные на Курской дуге. Путь лежит через районы Орловской области, недавно освобождённые от немцев. В сумерках проезжаем город Ливны. Пустые безглазые корыбли домов, разрушенных бомбами и артиллерией. Ни одного целого здания, ни одного жителя. Мёртвый город. На окраине нас останавливают регулировщик. Быстрая проверка документов.

— Где можно переночевать?

— Да ближайшего села четыре километра, но оно тоже разрушено.

Шофёр жмёт педаль. И вот село Борково: ни одной стены, сплошное пепелище. Едем дальше. Посёлок Каратыш. От него уезжает только длинный горбатый журавль на колёсах. Много и вдалека за холмы разрушенных городов и сёл, но этот журавль произвёл наиболее впечатлительное. Как надгробный крест возвышался он над исчезнувшей деревней, где ещё недавно кипела мирная жизнь.

Дальней! Судя по карте, впереди должно входить большое село Барановка. Пусто. Обгорелые бревна, битый кирпич. Вдоль в стороне от дороги мелькают огоньки. Понятно, что в недоумении остановились. Перед нами чудом сохранившийся полуобрушенный дворец королевы. В нём уцелела семья землевладельца предельно избитая: жена, двое детей, из которых младшему два года, старший. Дети одеты в ломоть, у всех огромные, вздутые животы.

— Три месяца не видели хлеба,— объяснила старуха,— едим траву.

— А как будете жить зимой?

— Построится. Немца подальше прогонят, власть возьмёт, так ие отстанет.

Нестерпимая вера и правда в созидательную силу советской жизни чувствовалась в словах старухи. Мы достали из багажника караванчика ржаного хлеба и передали детям. Ста-

руха сказала, что на окраине села сохранился один дом, и проводила нас туда на ночлежку. В двух маленьких комнатах жило несколько семей, бесчисленное количество ребятенка. Несмотря на странную скудность, хозяйка старалась поддерживать чистоту. Блюдети чисто вымытые полы, сверкали жаркой медью лампы, сделанные из сваренных гильз. Хозяйка рассчитала для нас место среди ситых, на полу, принесла две охапки свежего сена, рыцану бог знает как сохранившийся сапожок, но пить чай с нами никто отказался. Явным, что от этого удовольствия «отыклась».

Через несколько минут мы уже знали всю лезальную историю Барановки. Заним село, немцы немедленно выгнали жителей с насиженных мест и отправили всех крестьян, от мала до велика, в Широкорский район, Курской области, на рытьё окопов и строительство укреплений. Там они жили в землянках, а течение семи месяцев. Затем Красная Армия вышибла гитлеровцев из Широкорского района, потом из Ливновского. Послаивая в родное село войска советских землякам горючую весть: перед отступлением немцы спалили дотла всё Барановку. Но тяга русского человека к родным местам неодолима. Все крестьяне вернулись на то место, где была Барановка. Мысли землякам рядом со сгоревшими хатами и поселились в них. Из 500 домов села уцелело только то, в котором мы остановились. Остия из пепелища.

Утром, когда мы собирались ехать дальше, к нам подошла молодая девушка. Преступные злые глаза, волнистые волосы, тонко стирившие в косы. Она откровенно заявила местной учительнице, комсомолки, и спросила:

— Нет ли у вас карандаша и нескольких листов бумаги?

— Я занимаюсь с ребятами. Классную доску мы сделали сами, мелу достали, а вот ребятам писать нечем.

— Где же вы занимаетесь?

— Когда как. Если дождя нет, то у улице, а в ненастную погоду — в землянке. Но это временно,— добавила она с горячим убеждением.— Вот ещё дальние прогоним

немцев, построим снова школу, и тогда всё пойдёт по-старому, по-хорошему. И Барановку завою отстроим. Приезжайте после войны — увидите! Будет у нас кров над головой...

Так, в землянках, в пещерах сколоченных сараичках, жили в нашей стране миллионы людей, которых немцы лишили огня и крова. Так было в Подмоскowie, в Курской области, в лесех Северо-Запада и степях Дона, под Ленинградом, на Украине, в Белоруссии. По строгим официальным данным Чрезвычайной Государственной комиссии по расследованию фашистских злодеяний, немцами вандалы разрушили в оккупированных или районах 1710 городов, уничтожили более 70 тысяч сёл и деревень, разорили и разграбили около 100 тысяч колхозов.

Сразу же после окончания немцев на освобождённой земле захлепала горячая стройка. Местные органы советской власти старались прежде всего обеспечить пострадавшие население хлебом и жильём. Но особая, поистине немалодневная выделка эта стройка получила с середины 1944 года. По инициативе товарища Сталина, правительством СССР выделено колоссальные средства для оказания помощи советским людям, интернированным от немцев.

На строительство новых поселений, ремонт разрушенных зданий и сооружение домов были ассигнованы многие миллиарды рублей. На заклад потугались тысячи специалистов с лесом, железом, стеклом, строительными материалами. Шедевром помощи деньгами и лесом казна оказывала и жилищным, строящим дома в индивидуальном порядке. Им выдавались долгосрочные ссуды до 10 тысяч рублей, инвалидам войны, семьям военнослужащих и партизан бесплатно предоставлялись лес, новые дома, несколько лет освобождённых от уплаты налога, выделялся транспорт.

Возрождение разрушенных сёл призвано делом государственной важности. Сталинский пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства со всей силой подчёркивает значение этой работы. В течение пятилетия в освобождённых сёлах должно быть восстановлено и построено 2240 тысяч домов!

Неумолчный стук топоров раздаётся буквально во всех областях и республиках, подвергшихся немецкой оккупации. Стосову идут сообщения о радостных областях. На истерзанных землях Орловской области, по которому не так давно мы ехали к линии фронта, только в 1946 году построено 14 600 новых домов. Государство израсходовало на это более 15 миллионов рублей. И теперь сотни Белорусов живут снова полнокровной жизнью. На Полтавщине новоселы отрадиловали более 8 тысяч семей. В Гродненской области за два года построено 5160 домов, вальды под настоящую крышу переселились последние жители, мушенившиеся в землянках. На берегах Березины и Сожа возникли из пепла 300 деревни, уничтоженных отступавшим гитлеровцами. В Курской области за три года сооружено 46 тысяч домов. В сёлах и деревнях Белоруссии после изгнания немцев воздвигнуто около 250 тысяч жилых зданий, в них поселилось более полутора миллионов крестьян.

Цифры всегда сухи. Но за каждой из этих цифр — семья, вновь увидевшие солнечный свет в окнах; матери, истомленные тоской о безымянно страдающих детях; дети, снова узнавшие уют и тепло человеческого жилья; старики, которые обрели, наконец, засушенный дождь.

Нельзя без житейской радости читать сообщения о том, что в Московской и Ростовской областях, в Ставропольском крае и Кабардинской республике не осталось в землянках ни одного человека. Трудно переоценить значение этого успеха.

Недавно мне довелось ознакомиться с недавним документом, характеризующим ход восстановления сёл на Украине. В нём указывалось, что за три года там построено более полумиллиона крестьянских хат, свыше 100 тысяч хозяйственных зданий и около 15 000 школ, клубов, больниц, детских складов, амбулаторий. Чувство гордости возникает у каждого, узнавшего такой чудесный итог. Но для расширения условий, сделавших возможным этот результат, мне хотелось бы привести несколько примеров.

Помогая колхозникам, государством израсходовано сотни миллионов рублей на приобретение строительных материалов. Только за два последних года для сельского строительства на Украине было отпущено из государственных фондов три с половиной миллиона кубометров лесоматериалов, более 6 тысяч тонн печного литая, многие сотни тонн гвоздей, тысячи квадратных километров стекла, огромное количество скобяных изделий. Для насыщения нужд бесчисленных строек в республике создано около восьми тысяч предприятий, которые давали колхозам и крестьянам кирпич, черепицу, известь и иные строительные материалы. Сотни лучших архитекторов — Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Одессы, Львова трудились над планировкой новых поселений и домов, стремились сделать их наиболее благоустроенными, удобными и красивыми.

Так было на Украине. Так было и в Белоруссии, на Кубани, в верховьях Волги, под Москвой, в Брянских лесах, у Сталинграда, на Крымском полуострове, в горах Карелии и в степях Молдавии. Так, животворившей силой советского строя, восстав из руин города и сёл на земле, опалённой огнём фашистского нашествия. Так рождается кров над головами миллионов людей, обездоленных немцами.

Спасибо за добрую весточку, милая синеглазая учительница из далёкой Белоруссии!

Наши снимки рассказывают о возрождении одной из многих белорусских деревень, которые были разрушены немецкими фашистами. Это деревня Костюк, Минской области. На фото (сверху вниз): 1. В таких землянках ютились колхозники после изгнания немцев. 2. В этом новом кирпичном доме будет жить семья колхозника Ядвиги Сурянович. 3. Колхозная молодёжь активно участвует в сооружении новых кирпичных домов — их будет построено в колхозе «Вторая пятилетка» сто пять.

Фото И. Пикмана

Александр ПЕРЕГУДОВ

ПЕРВЫЙ МЕДВЕДЬ

Рассказ

1

Все сидевшие в эригидной зале поспрашивали на Петьку, перешитым, и Петька чувствовал себя героем. «Наверное, механик скадал вмиг — думал он и, делая вид, что не замечает злых взглядов, степенно разговаривая с Николаем Степановичем: — Жаль, отец не увидит... не мог он сейчас приехать.

— Ничего, кому мы после покаяем. — После кину к нам поедем? — Обязательно. Мне твоему отцу кое-что передать надо. — Сегодня днем, получив телеграмму, отец сказал Петьке: «Кати на станцию. Быстро!» Петька торжественно закриг Вуланку и шибко гнал её, боясь опоздать. И вот сидит он, нетерпеливо ожидая начала киносеанса, а в памяти пробегает недавние дни беспокойства, оторожи, обиды. Всё это кажется сейчас таким незначительным в сравнении с днём, ярким освещенным солнцем и радостью...

2

В гудком лесу Егор Савельевич Товоров нашёл берлогу и прежде всего известил об этом Бориса Сергеевича. Готовясь к охоте, Егор Савельевич набивал патроны жаканскими пулями, тонкой большой широкий нож и расквашивал сапу.

— Мы с никитером на фронте в одной части были, жили душа в душу. Землячки оказались оба — уральцы, оба — охотники. А когда он узнал, что я из медведей хожу — ну, прямо, отборном всмехну. «Вот, говорю, — побойсь меня, закончась война — и я к тебе беспроборно за медведем приеду.» — Дурацкая, правда? — спрашивал Петька. — Борис Сергеев-го-го. Бывь воюем. Он сейчас опять в Саердловске работает, — это не за тридевять земель...

Все эти дни Петька никак не отходил от отца, всем угождать ему старался и неостужно думал: «Возьмёт меня отец на охоту или не возьмёт?» Без отца Петька впервые взял ружьё и в последний военный год даже ходил с охотниками белкозат.

Без отца Петька привык к самостоятельности и считал себя хозяином в доме. Егор Савельевич, вернувшись из армии, с удивлением

глянул на сына: «Эва, как вымахнул! Совсем большим стал». Но место хозяина в семье занял отец. Слова в руки отца передо ружьём, и Петька уже не мог брать его без спроса.

Ответная телеграмма — Приедем субботу, встречай! — обрадовали в охотнике:

— Вот видишь, кричат! Стало быгь, заавт ехать тебе на станцию. Вуланку запрягй в розвалыи. Пишет «приедем», — значит, не один зайвится. А в розвалыи побылае сева иваляя, чтобы теллей и матче сидеть было.

Петька вилея, с каким нетерпением ожидает отец гостей, необходимо суетится, добродушно улыбается, и под вечер спросил у него:

— А меня на охоту возьмёт?

— Те-би? — Егор Савельевич посмотрел на сына так, будто Петьке было не пятьдесят, а восемь лет. — Отец хорошо тебе дома сидеть.

— Это почему же? — осмелелся возразить Петька. — Я белок бил без промаха, кого захочешь спроси...

Отец взвзрошия водсы сына и обидно-ласково, как медвежком, сказал:

— Медведь — не белка!.. Медвежники, тоже, инае-е-е!

Сын обиделся, засопел носом и до ночи был хмур и молчалив. Ночью, ворочаясь на печи, с горечью думал: «Всё ещё максимум считают меня, а кто за войну в доме хозяином был?.. Без меня бы матери — крышка. Петька дрова вози, волю таскай. Петька по долгу работай, за скотиной ходи, а как на охоту? — Петька дома сиди. Лошко получает...»

Заснул он заплохот и проснулся, когда отец дернул его за ногу и сказал:

— Встанай, на станцию собираться пора. Сын, не торюясь, оделся, улыблся из видшего над лошкой рукомышкой и вышел во двор.

Над крышами дворовых построек разгоралась млпловая зари. Старую рубку у поребга густо опушил иней, который в свете зари казался розовым. Острокрая лайка Выхса, редостно повизгивая, бросилась к Петьке, но он хмуро посмотрел на неё и

не облакся, пошла в сарай за сеном. Булавка встретила его таким рываньем и потянулась к сени.

— Валуи! — сурово прикрикнул на неё парнишка. — Ишь, тебе не стоить!

За чаше отец, нахальство матери приготавиле созону ко свиной, испечь аеппеке, а сыну говориа:

— Ты с гостями-то поужейей будь, а то браешь это, не подумавши! — крапей к тебе.

— Али я глухой? — Петька обиденно усмехнулся и, вылезая из-за стола, добавил: — Небось, не брику.

Когда дошла была запряжка, Егор Савельевич вышел на крыльцо и опять, как маленькому, сказал:

— Кнут не позабавь, хозяин!

Ситг промочил, завалился боком в розвалыи и выехал со двора.

3

Мороз был крепкий и, доживаясь прихода поезда, Петька для разя холми на станцию греться. Посматривая в окно на привязанную к телеграфному столбу лошадку, думал о гостях и преставшей охоте. Ему преставилось, как он с отцом и гостями сидит за столом, мать хлопочет у пылающей печки и, радуюсь улыббас, поаёт на стол сынку и аеппеки. Разговор идет о берлоге и о разных охотничьих приключениях. Об этом было приятно думать, но обидно исполнялось сердце, когда вспоминались слова отца: «Очень хорошо тебе дома сидеть».

Из оконечия быгетной кисти кто-то громко вылая: «Подходи!» — и наскочил в комнату с мест, похваталл мешки и сумки.

Горячий парозок окутала платформу тёмным паром, заскригавшая торюмики, оставались выгони. Петька стоял у розвалыи, не стескаясь взгляда со ступеньки, по которым сходила с платформы приехавшие. Ни у одного из них он не заметил ружья и начал уже бесконечно: «Неужто обманули?»

Последний он увидел молодого человека в дубовой куртке, в высоких белых бурках и мелкой пушистой шапке. В правой руке он держал ружьё, в левой — мешок с патронами. Он подошел к розвалыи и спросил:

— Это не Товоров пошел?

— Товоров, — ответил молодой Петька и вежливо осемелелось. — А вы Борис Сергеев будете?

— Нет, я — Николай Степанович. Борис Сергеевич дела задержал, не приехала телеграмма.

Гость поставил шибк в розвалыи, похлопал палки, которые оказались треножником, снял со спины туго набитый рюкзак. Петька отызал дождик, погубрёе гостя сена:

— Вот сена садитесь, обманули?

— Далеко нам ехать? — спросил Николай Степанович, распологаая в сапкы.

— Пустыни, километров двенадцать. Живо докатит.

Гость оказался разговорчивым и, узнав, что Петька — сын Товорова, с любопытством спрашивал, много ли на своём месте отцу убий медведей, далеко ли от деревни берлога. Потом рассказал, как он охотился в Усугурьском лесу на кабана, путешествовал по Камчатке и вдал в Северном Ледовитом море.

«Вот это, падает, охотник!.. — думал Петька. — Везде побывал...» Разговаривая с гостем, он часто поспрашивал на язык: «Для ружья он был и высок и короткой ноги, и деловой человек систем ружья, вроде пулемёта, к подставке привычавшееся...» — и, не сдержав любопытства, спросил:

— Чем выйде ваше оружие?

— В ишкё? Оружие... — улыбнулся Николай Степанович и больше ничего не сказал.

4

Всё было так, как представлял себе Петька. Он, отец и Николай Степанович сидели за столом. Мать хлопотала у печки над солёной кашей и горячими аеппеками. Гость угощала холми лошкой, консервами, сладкой аеппекой. И разговор шёл об охоте... Выяснилось, что Николай Степанович — не охотник, а оператор и приехал снимать охоту на медведя для киножурнала.

Петька смотрел на гостя широко раскрытыми глазами: лихора на охоту с ружьями ходит, а он — а оператор. Нестерпимо хотелось посмотреть, как Николай Степанович будет «снимать картину». Он часто осматривал на стояние у стены ящик с треножником, переводил взгляд на гостя, на отца. Отец был опечален, что не пришла Бориса Сергеевна, и дати дедушка в одиночку не решался. Он раздвинул качал головой и разводит руками: — Ну, посылите сами: как же идти? Ведь это дело — не шутка. Мало ли что может случиться?

— Да ведь вы ходили в одиночку, — говорил оператор и с беспокойством заглядывая в глаза хозяина: неужели понапрасну приехал? — Ходил, да не к берлогу... Тут обязательно шабаше надо. Бывает не сразу медведь выйдет: один треножник, а другой — с ружьями и готовое.

— А если из охотников кого-нибудь пригласить? — Иргадиста же вы не знаете... Опять же — расхочет лишнее.

Петька поинтересовался: он не хочет брать суженого. «А я нешто не охотник?» — хотелось сказать, но он остановился, как бы отец не осомнил его. Умекнется как вчера, обидно-насмешливо, и махнёт рукой: «Охотник тоже!» — Как же быть-то? — гость услужливо наклонил в стариков хозяина vállдару. — О расхолах ни не беспокойтесь, кинорофильцы нам всё оплатят...

Топоров месал в затылке, опять разводит руками, потом вступилась лупоноя о стрелу: — Дядюшко, Схожу я. Исполу Степанович, поговорю с ним.

— Супругия к сестре на свадьбу уехал, — оглозалась мать, мешая кофетой прогорающие дрова в печи, корчась, от жары. — Уехал! — хмысто стонал Петька. — Мне его Митька говорил. Теперь дати Яков дини три гулять будет.

Отец снова почула голову, посмотрел в опечаленное лицо гостя, взглянул на сына и прищурил глаза: — Ну, охотник, придётся тебе идти с нами. Но смотри в оба!

Петька заёрнул на даче: — Да нешто я. Да нешто я. Да нешто хощь спроси, — белок бед промаха... — Бега к Супругияним, попорно у тёпни Домы ружья на देंке.

Петьку слабо ветром вынесло из-за стола.

5

Шли на лыжах. Первым — Егор Савельевич, за ним — оператор и следом — Петька. За спиной оператора на широком ремне висел чёрный ящик, за плечами Петьки торчало суриковское ружьё, заржавленное жванковским пылаем, а подмышкой он держал треножник. Иредека Николай Степанович обречивалась и подмигивала, него обояря Петьку, него желая сказать: «Вот, мой, наём, а вчера беспокойничко!» Егор Савельевич начал ветроларать, слегка раскочурил на ногу. Его позунок утонул в снегу кушконом, за который засунул зипор. Ремень ружья закинул за шею, и ружьё висит середи. Ястреб соляне, взорвался сквозоз ветви и верхушки деревьев, отпечатывало на снег, золотые с алмазными колёсами кружало. Выкса бежала впереди. Иногда она вырала под лапы вшит, пропалада в тайге, потом появлялась сзади и бежала по лыжне.

Неожиданно Егор Савельевич остановился: — Придержу собаку.

— Присе на коротчюк. Петька охватила Выксу рукой и начал глядеть её шею. Сердце мальчика застучало вперёд: то забьётся, то замрет, то спит, то начнёт колотиться. И, словно успокаивая хозяина, Выкса лыжула его лицо тёплым и влажным языком. Между деревьями холма оператор, осматривался вокруг, поглядывал на солдак. Потом он начал угадывать снег и, уткнув, утвердил на нём треножник. Отец стоял поодаль, смотрел, как Николай Степанович прильнявает к треножнику аппарат. «Дняш!» — послышался голос отца. Петька отпустил собаку, и она прыжками бросилась вперёд.

Подойдя к отцу, Петька увидел повелевающую бурю соеу. Её корнянеде, вывероченное из земли, было похоже на огромного паука,

вытнувшегося во все стороны корявые лапы. Под корнями ветром наметали сугроб. Вершина сугроба вся в снегу, снег на ней был желтоватый и казался алмазным. От жёлтого пятна струился едва различимый парок, а корня, нашедшие над сугробом, были густо опущены ином. Выкса, прихвачиваясь, бегала вокруг, потом ватерилась на сугроб, подыкала позвонки колеблющиеся струйки воздуха, заворачала, и шерсть на её загривке поднялась дыбом. Петька быстро сбросил с ног лыжи и встал в руки ружья. Сзади что-то заскрежетало, Паршина оступилась. Николай Степанович крутила ручку аппарата...

6

В зале погас свет, и на экране появились улицы с большими домами. Одни из домов быстро приближались. Замелькали этажи, и на самом верхнем показались камешники, торчало укладывающиеся кирпичи. Громкий голос, отчётливо раздвигавший в зале, говорил о восстании городов, разрушенных немцами. Потом на экране возникли машины с вертикальными колёсами и движущимися поршнями. Голос пояснил: завод, где директором товарищ Иванов, в новой сталинской пятилетке перемановит программу.

Крупные буквы, как бы висевшие перед заложённым лесом, возвестили: «Охота на медведя». Петька ползла вперёд и замер. Он увидел покрытые ином плиты и сосны, кружево солнечного света у подножья деревьев. Между деревьями скользят на лыжах отец и следом за ним — он, Петька.

Отца Петька узнал сразу, а на себя смотрел, забыв дышанье, словно видел нечто чудесное, чего не бывает в жизни. Вот повисала Выкса, обогнала отца и пропала, точно спрыгнула с экрана в зал. А на экране повисала берлога под корнями поваленной бурей сосны. Влеворона шерсть, дробно и несильно лаял собака. Лес поехал в сторону, и Петька снова увидела отца, наспражнито смотрящего на берлогу. Опять ползла и остановился сосны. У толстого ствола, с ружьями вготове — парней, «Я... Я стою...» — Петька глубоко вдохнула.

— Медведь не хотел вылезать из берлоги, надо было выгнать его, — услышал он голос.

Парней рубит тоненькую сосняку, охмещет её от ветвей. Вот он стоит у берлоги и тычет шестом в сугроб. Появляется отец: он слегка согнулся и подлая ружья, готовый выстрелить. Картины, сменяя одна другую, возникли и исчезали с быстрой мысль. Пареньк бро-

сеет шест и отбегает от корняша. На сугроб кидается Выкса и шаркается в сторону, когда из снега повисает голова медведя. И оиньт, впросто лая, бросается на зверя. Отец вскакивает ружьё. Облоко дыма затуманивает стены леса. Из берлоги, разбрасывая снег, вылетачивается с каждым мгновением, выскочает Паршина стрелая. На снегу лежит мёртвый медведь. На медведя сидит Петька, а рядом стоит отец — он сидит в сторону.

— Юный охотник, Пётр Топоров, убил первого медведя, — объявил голос.

Петька улыбался паренку, сидящему на медведя, и тот улыбался ему.

После киножурнала шёл фильм «Волга-Волга», но Топоров смотрел его без обычного интереса. Он был потрясён «Охотой на медведя», хотя самого страшного и не было на экране. Охотники Николай Степанович схватил потом... Сравнвая сейчас то, что происходит на самом деле, с тем, что промелькнуло на экране, Петька с удивлением сознавал: чудесный аппарат всё поставил на своё место.

Когда Петька ткнул шестом в берлогу, оттуда послышалось гулкое, утробное ворчанье. Петька испугался, бросил шест и, подбоявляя к Николаю Степановичу, схватил ружьё. А когда отец тиснул ранила медведя, зверь бросился на оператора. Очевидно, стрелочный аппарат и повисала, бросил шест и, подбоявляя к Николаю Степановичу, схватил ружьё. А когда отец тиснул ранила медведя, зверь бросился на оператора. Очевидно, стрелочный аппарат и повисала, бросил шест и, подбоявляя к Николаю Степановичу, схватил ружьё. А когда отец тиснул ранила медведя, зверь бросился на оператора. Очевидно, стрелочный аппарат и повисала, бросил шест и, подбоявляя к Николаю Степановичу, схватил ружьё.

«Как же так? Ведь он больше нас поддерживал способности!» Он был безумно рад, когда медведь бросился на него, — и не испугался, не побоялся, а продолжал вертеть ручку аппарата...

Эти внезапно возникшие мысли незнакомо взволновали парничку, и он понял, что так, впервые, было всегда: на море, в воздухе, и под немецкими пулями, — всегда, где архаические снимал Николай Степанович... Миллионы людей видели всё, что снимал он. А самого Николая Степановича не видел на экране ни один человек. «А разве он не герой?» — думал Петька.

После сеанса зрители ещё внимательно смотрели на него, и он шёл, слегка потугив голову, и, выходя из зала, почтительно уступил дорогу Николаю Степановичу.

Из берлоги, разбрасывая снег, выскакивает медведь...

Вильгельмина Клименты.

А. ГРОНСКИЙ,
кандидат исторических наук

ПОБЕГ

Вилу Клименты

...В 1917 году Вилу был четвертый год. Навсегда запомнились ей шумные и рабские рабочие демонстрации, проходившие по узким старинным улицам Таллина, красные флаги, прикрепленные к черным крышам, и горные речи бойственных, звучащие в борьбе.

Счастливой Эстонии, однако, продолжалось недолго. Капитализм удалось снова захватить власть, и она жестоко расправилась со всеми, кто выступил против нее.

Коммунистическая партия ушла в глубокое подполье и под руководством Виктора Эуартовича Кингисепа упрямо и самоотверженно боролась против эскадронаторов и их клевет — социал-демократов.

Вильгельмина Клименты — Вилу, как звали ее близкие, — активно примкнула к юношескому революционному движению. Еще раньше, в школе, Вилу посещала литературный кружок, а теперь она вступила в молодежную ор-

группу и часто прямо с работы шла в школу. После убийств, которые закатывались, в одиннадцать часов вечера, Клименты обычно еще посещала рабочие школы, беседовала с их обитателями. А рано утром ей уже надо было таскать тяжести в порту. Времени для подготовки и занятий почти не оставалось, за исключением ночи.

Способностями Клименты обладала замечательными. Особенно легко давались ей исторические предметы. Любимыми предметами Вилу были философия, психология и политическая экономия, которую она изучала самостоятельно, так как в школе не преподавали эту дисциплину.

Когда в апреле 1921 года полиция разгромила легальную молодежную организацию «Союз юных пролетариев», Клименты одной из первых вступила в подпольный Союз коммунистической молодежи Эстонии. К этому времени она уже зарекомендовала себя как активный и стойкий революционер, и подпольная большевистская партийная организация оказала ей большое доверие. Лично тов. В. Э. Кингисепа поручал ей выполнение заданий, требовавших выдержки, находчивости и знаний. Отважный и смелый руководитель эстонского комсомола Арвольд Сомерлинг глубоко уважал Вилу и считал ее лучшим своим другом.

В то время комсомол Эстонии многою делал для завоевания, применения на свою сторону пролетарской молодежи, состоявшей в различных легальных обществах: спортивных организаций, певческих обществах и других. Комсомольцы вели широкую политическую агитацию в связи с такими вопросами, как безработица, фабричные штрафы и т. д.

Весной 1921 года в озере Юлемисте был найден труп ученицы коммерческой школы Лилли Шюте. На похоронах Лилли возжало комсомол Сомерлинг и Клименты пришли вместе с членами Союза, нес свои знамя. Комсомольцы разъясняли молодым рабочим, что Лилли Шюте, дочь старого большевика, убитого белогвардейцами, покончила с собой из-за травмы и издевательств, которым она, как дочь коммуниста, подвергалась в школе.

Клименты часто выступала на собраниях в помещении рабочего клуба «Валва», разбирающая перед молодежью волнующие связи буржуазной диктатуры. Говорила она доходчиво и горячо. Комсомольцы высоко ценили ее, и тогда бесстрашно заведовала нимением аудитория.

Весной 1922 года за выступление на собрании ученица прораба Каскина была исключена из школы. Оставшись вне школы, Вилу, однако, не бросила учебу. Каждый день до глубокой ночи можно было видеть ее, склонившуюся над книгой.

Кивучую революционную деятельность Каскина прервал арест. Она поседаяла после яркого выступления на перомойской демонстрации 1922 года — она привлекла народ в группу, которая освободила томившихся в тюрьме политических заключенных и вместо них посадить туда политическую молодежь.

Вскоре по приказу военного министра была предана военному суду. Ее обвинили в том, что она, с целью сактивировать народ против распоряжений правительственных судебных учреждений, выступила с речью, в которой социальную принадлежность собиравшегося народ к освобождению заключенных коммунистов, содержащихся под стражей (Государственный Эстонской ССР, дело № 8, 1924 год).

Дале буржуазные газеты в своих отчетах вынуждены были отметить исключительную стойкую поведение Клименты на суде. «В манере держать себя, в позе, в интонировании изада stance, в гордой походной походке... — писал газета, — тушеваются: высок, решимость, уверсто и воля».

Суд приговорил Клименты к 6 годам и 8 месяцам каторжной тюрьмы.

В тюрьме Вильгельмина проявила стойкость и высокую революционную сознательность. Вместе с ней совершалась по своим политическим коммунистической деятельностью группа женщин. Вилу являлась организатором и деятельницей в проведении, проводимых тюрьме в дни революционных праздников, всегда была подбирать товарищей веселой шуткой. Общительная и приветливая со своими политическими единомышленниками, она была резкой и вызывавшей в тюремной администрации... Начальники тюрем не выдержали и в это время перебрались из одной тюрьмы в другую. За протесты против тюремных порядков Клименты оштрафовали, и в это время перебрались из одной тюрьмы в другую, сырых и холодных каменных мешках.

С первых же дней заключения она начала обучать своих товарищей. Благо знавший Клименты коммунист-подпольщик, Эмио заместитель директора Экономического института Госполза Эстонии, Александр Ганович Круумяги рассказывает об организации побеге Вильгельмины и ее товарищей следующим образом:

«Я получил переданное мне легальным путем письмо из тюрьмы от Вильгельмины Клименты. В нем Клименты спрашивала, буду ли я согласен принять участие в организации побега женщины-экономических из их камеры. Клименты писала также, что мы могли бы прийти человек по фамилии Компус, бежавший из тюрьмы, которого надо скрыть и вечно ему помочь.

Через неделю была каторга, как-то к вечеру, ко мне в я.м.нату стремительно вошла молодой человек лет 20, с разрытанным лицом. Недалеко время Компуса, плотно закрыл дверь и, видя, что я один, softly мне, что он Компус и только что бежал из тюрьмы. Некоторое время Компуса скрылся у меня; постепенно мы подготовили все необходимое для осуществления побега Клименты и ее товарищей.

Компус должен был пробраться в стоящее рядом с тюрьмой приступющее полуразрушенное кирпичное здание, куда время Компуса должно залезть по перекрытému на чердак и пронести пролом в стене, через который можно было бы пропустить Казкина и Клименты. Я нашел надобную квартиру, чтобы скрыть беженцев.

В мастерских, где я работал, для Компуса изготовили все необходимые инструменты. Вечером 4 мая 1923 года я помог ему через сарай соседнего дома пробраться в замок и Клименты рядом с тюрьмой. Компус приступил к работе. Помню, что ночи стояли темные. Я дежурил нева-

НОВАЯ КНИГА ОБ АРКТИКЕ

лево от места, где должны были находиться беглецы. Какими способами покосился мисс Фрэнк и почему! Наконец в ночь на 8 мая уступки побегу парами стали выходить на улицу. Все они были благополучно разделены по квартирам.

Мы решили отправить Клементя, Сельму и Юлию Гельмана и друзей в Советскую Россию. Но осуществление этого замысла затруднилось тем, что вся полиция города была поставлена на ноги для розыска беглецов, и наши попытки одна за другой проваливались.

После долгих поисков возможностей отправки беглецов в договорились с владельцем моторной лодки контрабандистом Мустом, у которого некоторое время скрывались Комму, что он за плату доставит трехместную женщину в Кронштадт.

В назначенный вечер все шестеро собралось у меня. Мы вышли к берегу, но лодки не оказалось. На другой день Муст появился, но тот, кто оказался несправным и он не хотел рисковать. Следующей ночью в поисках лодки Клементя и Сельму вывели в море.

Влади покачивалась лодка, чертанья которой еле виднелись. По скользящим свзам мы с трудом добирались до неё. С лодки бросили на свай дощик. Человек, подошедший в лодке, торжок; нас могут увидеть. Вот мы и в лодке!

Вот тот же человек предложил нам нагнаться бременом, а когда лодка отошла, сказал, что можно войти в каюту. Едва мы вошли туда как в дверях неожиданно появились агенты полиции с наставлениями на нас революнера. Сопrotивляться было невозможно. Мента попасть в Советскую Россию, которая казалась всем нам уже такой близкой, Россия...

Охранка аррестовала нас в политическую полицию. Но существование тогда в буржуазной Эстонии знаком, срок отбывания наказания для всех беглецов стал неслыханным заново. Меня же судили...

Овнят потонули томительные дни тюремного заключения. Клементя бросили в Тартускую тюрьму, где для неё сложили особую тяжкую режим. Однако в письме, которое ей удалось отсюда передать, Клементя не жаловался, а высказывал беспокойство за судьбу товарищей.

Тюремщики заключили Клементя в лёгкой одежде на длительную прогулку в карцер. А в тюрьме Парну, например, карцер был полой водой. Мучители хотели убить Клементя и добился своего: у Виллу развилась холера.

Юлияна Фелорова Тельман вспоминает, что последние месяцы перед смертью, в 1929 году, Клементя покосился все опухшая и уже не могла подняться с постели.

Срок заключения, назначенный Клементя приговором суда, подошёл к концу, но Виллу не дозволили выпустить свобода. Она ушла за тюремными решетками...

Вилду Клементя страстно любила жизнь, она часто мечтала о том времени, когда в Эстонии восстановится свобода. Она не делала из радостных дней, когда власть перешла в руки народа. Но есть такие события и такие люди, которые забыть нельзя. Своей памятью о Вильгельме Клементя и её племенных словах, звучащих на борбу за благо трудящихся.

Книгу «Остров Врангеля» написал один из старейших советских полярников—Альф Исмаилов. Миснее, проживший вместе с своей женой Варварой Феодотовной Висковой пять долгов полярных зим на этом далёком острове.

Живо и увлекательно автор книги передаёт историю открытия и освоения острова Врангеля, рассказывает о бытах советских полярников и о результатах их научной работы, рисует быт и бытчан небольшого народа Крайнего Севера—эскимосов—и незабываемые картины арктической природы.

Вест о существовании неведомой земли, расположенной в Чукотском море, revelouли давние богатства северного побережья Азии—чужки, юккары и эскимосы. В 1820 году искимеем её занял молодой лейтенант российского флота Фёдорович Врангель. Суровая природа острова помешала ему достичь цели. Однако вероятно местоположение острова было указано Врангелем тюню. Русский национальный флаг был полнят на острове в 1911 году. Но заглава освоения и изучения острова нашла на долю советских полярников.

Миснее описывает настоящую изыскательскую работу геолога Леонида Громова. В результате её установлено, что в подполье острова югов составлял единое целое с азиатским материком; обнаружены большие залежи гипса и в некотором количестве рудные ме-

сторожения—медя, свинца и цинка. На острове построены радиостанция метеорологическая, станции пункты астрономических и гидрографических наблюдений, сделавшиеся безопасному движению кораблей и самолётов в этих северных широтах.

Сдержанно и правдиво рассказывает Миснее о трудностях и величайшей борьбе с суровой стихией, которую ведут советские полярники, не раз спасавшие в глаза смерти.

Так, однажды, когда Миснее с группой товарищей отправился на поиски пропавшего самолёта американского летчика Эмелисона, началось сильная буря. Двигатель часов искали полторы выходы на берег, но так и не нашла его и вынуждены были расквитаться на льдине, рискуя каждую минуту быть унесенными в море.

Автор повествует о том, какую большую роль играли в жизни эскимосов молодые полярники—эскимосоведы. Это они организовали кружок—студий, общеобразовательный, стрелковый; это они регулярно проводят литературные вечера; это они следят за ростом и развитием местного молодёжи. Эскимоску Тамбу Еремееву они обучали работу на радиолоке и помогли ей уехать на курсы радистов в Москву. Она вернулась на остров своим радистом. С её помощью эскимосы Нанану постиг тайбу жизни моря и начал затем работать в мастерской.

Важнолюбно описывает Миснее историю комсомольца Коля Попова. Он много читал и занимался, мечтая стать учителем. Но Коля заболел менингитом и лишился зрения. Много душевной заботы проявила комсомолька; стремился облегчить состояние больного. Их стараниями Коля был отправлен на лечение в Москву.

С интересом читаются страницы, описывающие быт и бытчан эскимосов. Здесь в скромных делах советских полярников находят своё воплощение ленинско-сталинские ленинские политика. Настойчиво готовят эскимоски эскимоса Тяня к выполнению обязанностей началька эскимоски. Они открывают на острове школу-интернат для детей эскимосов, заботятся о видраньи в быт культуры.

Природа, особенности климата Арктики, повадки зверя, охота на исьца, добыча медведя, моржа, нерпу, радостные породы гтая, и в юности избывающиеся на острове в тёплые месяцы, увлекательно и с большим художественным вкусом передаются в разделе книги «Картины природы и жизни на острове».

Содержание книги хорошо дополняют многочисленные документы—фотографии, схемы, карты. Книга выпущена издательством Голоса Дружбу.

«Остров Врангеля»—хорошая и нужная нашей молодёжи книга.

Глеб ГУРЬЕВ

ГОЛОСА МУДРОСТИ

УКРАИНСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

К пришедшей колоте легко
огнь прикладывает.

Не в том сила, что кобыла сила,
а в том, как она везёт.

Ленивый дал галза делает,
скупой дал раза платит.

Если бы не мороз на крапну,
она бы всех людей поожалила.

Велик рот у вола, а говорить не
моет.

Разжалобился, как волк над
переселком: отъел ножки и плачет...

«Гак просять, так не пускати!»
«Куды?» «Я хату!»

Тот же Сивка, да на других
санках.

Та рожда, да не та кожа.

Курча клудчат в одном месте,
а яйца клудят в другом.

У умелого и долото рыбу ловит.

Брехать — бы в ценом михать.

Никто не будет знать — толь-
ко сын, да сова, да людей пол-
села.

Узнается лищцею, а думает
волюком.

Мисли в небе, а ноги в постели.

Не довелося свиные на небо
дивяться.

Синица шкочит, а журавль по-
падается.

Не в том беда, что не вьётся
вода, а в том беда — вьётся вода!

Петуха на зарез несут, а он го-
ворит: «Кударкуд!»

Ты ему про Тараса — он тебе
полотарста.

Сказал бы словечко, да волк
неудачко.

Правда и в море не тонет.

Не любит правды, как ись мила.

Поздно старого кота учить
гонки.

Придётся коза до волат

Кто кислого поел, а на кого
оскомия напала.

«Наволя коня?» «Наволя.» «По-

чему же у него морда сухая?» «А
до воля не достала.»

Не тирю, не мниши, не есть
калчи.

Кулик не велик, а всё-таки
птаца.

Мальская собачка — весь свой
век пенюк.

Пошла дурня по ряки, а он жаб
наловит.

На коне сидит и коня ищет.

Кто горячего не бичил, тот хо-
лодным рад.

Шальная искра воде спалит, да
я сала погасает.

Хрен говорит: «Я хорош с мя-
сом», — а мясо говорит: «Я в бед
хрена хорошо».

Упрёк умного больше стоит, не-
жели похвала дурня.

Ленивый в своей хате наловит.

Молчит, как сорочка в гостях.

Сработал из дуба синьку.

● Советские археологи в последнее время продолжают интенсивные исследования Хорезма, называемого «Среднеазиатским Египтом». С 1929 года учёные всё глубже продвигались в пустыню, образовавшуюся на месте некогда богатейшего государства. На левом берегу реки Аму-Дарья исследователи открыли следы культуры, созданной людьми, жившими 5 тысяч лет назад.

В песчаных долинах археологи сейчас находят наконечники для стрел из кремня и кости, лезвия копий и ножи. Удалось восстановить, как жили простые охотники в своих огромных обиталищах, подвергавшихся порою наводнению обжитой зарослей вокруг озёр Аму-Дарья.

Хорезмская экспедиция за пять

сезонов полевой работы прошла более 2 тысяч километров, нашла и описала более 400 археологических памятников. Впереди ещё лежит неисследованная пустыня, где очень должна помочь разведка с самолёта. Новейшие способы аэрофотосъёмки позволяют быстро отмечать следы человеческой культуры на любом фоне — песков, болот, лесов.

Уже обнаруженные грандиозные памятники античной культуры Хорезма обещают массу важных и интересных фактов для науки результатов, потому что эти памятники по своему значению стоят не ниже известных памятников классического Востока.

● Член-корреспондент Академии наук СССР Э. А. Асратян

вместе со своими сотрудниками разработал новый способ лечения ослабленной и истощённой периферической нервной системы при помощи слабоулучшенного специально подобранными дозами световых лучей.

Работы Э. А. Асратяна позволяют высказать, в чём состоит приспособительное значение в повреждённом организме, т. е. способность восстанавливать свои функции.

У вредных организмов во многих случаях приспособительных явлений ведущую и решающую роль играет кора большого головного мозга. Глубокий сон отражает этот важнейший учётков организма человека от дальнейшего повреждения и целительно действует на него.

СМЕНА В номере:

Дневник пятилетия. Важная инициативная статья Юрия Матрессова. С. Крутилин — Дом в Серпухове.

П. Беляевский — Хлеб. А. Мышкин — Март. К. Юзеф — Ночное дежурство. Их ждут морские просторы. Фото А. Узляна.

Юрий Даринин — Зодиак. Л. Огнев — Кров над головой. Александр Перегудов — Первая мева.

А. Гронский — Побег Виллу Клементи. Глеб Гурьев — Новая книга об Арктике.

Голос мудрости. Украинские поэты. В научных лабораториях страны. Календарь «Смена».

На первой странице обложки: «Девушки-колхозницы» — фото Г. Борисова.

На четвёртой странице обложки: «В зимний день» — фото Г. Алексеева и др.

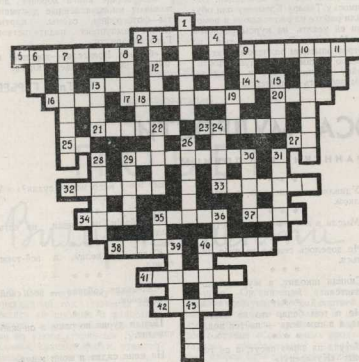
На первой странице: «На третьей сессии Верховного Совета СССР. В Большом Кремлёвском дворце в первом заседании» — фото Н. Драчичского.

Формалине номера художника В. Урина.

КРОССВОРД

Составил Н. Грабельников

По горизонтали:
2. Уменьшение в размере органов и тканей организма ввиду переноса клеток. 5. Известный норвежский полярный исследователь. 9. Озеро в Африке. 12. Народ. 13. Приток Волги. 14. Напиток. 16. Крушение, банкротство. 17. Город в США. 20. Мужское имя. 21. Таллин. 23. Продукция металлургического производства. 25.

Известный физик, прославившийся работами в области электричества. 27. Бува греческого алфавита. 29. Великий русский учёный-биолог. 32. Французский писатель. 33. Волапап в Америке. 34. Платеж. 35. Страница свята. 37. Государство в Азии. 38. Композитор. 40. Промышленность Голландии. 41. Английский физик. 42. Матери.

По вертикали:
1. Формокопийное хозяйство. 3. Советский писатель. 4. Музейное имя. 6. Вселенная. 7. Великий русский философ. 8. Характер. 9. Французский писатель. 10. Часть ситрового прибора. 11. Юридический термин. 13. Крапка. 15. Инженерное сооружение. 18. Горное селение. 19. Глаз. 22. Завоеватель Сибири. 24. Руководитель крестьянского восстания. 26. Великий русский баснописец. 28. Озеро. 29. Одна из основных мыслей сочинения, речи. 30. Произведение А. М. Горького. 31. Сильный ветер. 33. Рыба. 36. Небольшие. 39. Крапка. 40. Знак почётного отличия. 43. Музыкальное произведение.

Ответы
в крестоводу, помещённому в № 4
По горизонтали: 5. Кавказ. 4. Кутюп. 12. Арсенол. 14. Суриков. 15. Матвей. 17. Витол. 18. Спарта. 19. Ров. 20. Иса. 21. Офи. 22. Сак. 23. Пина. 25. Аметист. 26. Вернад. 32. Иван. 34. Платон. 35. Адам. 36. Сель. 40. Нюок. 43. Ома. 44. Витт. 46. Тиа. 48. Ома. 49. Борн. 50. Зин. 51. Югис. 52. Арс. 53. Радя. 56. Кипр. 58. Опа. 59. Ротт. 61. Карп. 63. Зопа. 64. Отог. 65. Коукс. 67. Башата. 68. Водител. 71. Мура. 72. Ирп. 74. 75. Милл. 77. Мер. 78. Аметист. 80. Аманда. 83. Амулга. 85. Нюотья. 86. скарлатин. 87. Оопа. 88. Баркова. По вертикали: 1. Шахматы. 2. Зопа. 3. Трал. 4. Тувина. 6. Аппалар. 7. Кута. 8. Ура. 9. Ветта. 10. Ою. 11. Кота. 13. Европа. 16. Ютутар. 18. Скарлат. 22. Фитт. 23. Ою. 25. Мат. 27. Отог. 29. Люот. 30. Луб. 31. Мануфак. 32. Помолог. 34. Одер. 35. Карат. 37. Дюва. 39. Хиния. 41. Ютов. 42. Ивват. 44. Вар. 45. Лип. 47. Адр. 54. Аленова. 58. Арпа. 59. Боса. 61. Петра. 63. Апп. 67. Пова. 68. Вудер. 69. Сча. 69. Фотсальма. 67. Карета. 69. Натра. 70. Варабел. 73. Плато. 76. Саво. 77. Мана. 79. Тель. 81. «Нос». 82. Нам. 84. Мран.

которого исполнилось 10 марта, происходил из театральной семьи: отец его был актёром в репрессорном, мать — актрисой. Родителям же готовили много Каратыгина с различными поворотами: один отдал его учиться в Горный институт, после окончания которого он поступил в Ленинградский высший театральный институт, а другой — в Ленинградский университет. Но талантливый артистический репертуар того времени, выступая и в классической драматике и в мелодраме, он имел высокий рост, стройную фигуру и редкие по тем годам волосы. Большой талант и неустанная работа над совершенствованием актёрского дара, тщательная подготовка и отсылка роли работы принесли ему славу выдающегося артиста.

В Кавказе, самой природе Василий Каратыгин был создан для того, чтобы играть в советские классические героические репертуар того времени, выступая и в классической драматике и в мелодраме: он имел высокий рост, стройную фигуру и редкие по тем годам волосы. Большой талант и неустанная работа над совершенствованием актёрского дара, тщательная подготовка и отсылка роли работы принесли ему славу выдающегося артиста.

Герой Советского Союза
Лена Чабкина.

В ПАМЯТЬ ГЕРОИНИ

7 Среди густых лесов и непроходимых болот затерялся поселок Пено. Маленькие, крытые тесом домишки, заросшие живописными Центральная изгородь носила до северной. В северной, над широкой пятиугольной заливом-бухтой, возмывается памятник Великой Отечественной войны. Вдоль берега близ Лены поставлен на мраморный, углубленный вешку высветил. На одной из сторон его золотом выгравировано «7 марта 1942 года». Именно тогда была арестована ленинская Героиня Советского Союза — старшая партизанка Лена Чабкина во время распространения гаяк в системной организации товарища Сталина.

Помните этот союзник по интеллигенте комсомольцев в третьем году жизни до той работы в Чабкиной. Но, в то же время, иная памятник воздвигла героиня молодости в честь героической погибшего воина. Когда весной под Ударом Советской Армии отступила из Белозерской области, они упирались в Пеновский район — одиннадцать сельских, 1500 крестьянских дворов были сожжены оккупантами, разрушены крупные лесопильный завод, сотни школ, детских и клубов. Кавказские южнн здесь замерла надолго.

С первым же днём возобливание в пленительности привлекательности и привлекательности. В первую очередь, молодого партизанского отряда Егоро, где родилась Лена. В центре его теперь стоит белая пятиугольная веха, где сияет звезда Чабкиной: мать, отец и младшая брат Лена — Анастасия. В Пеновском районе Чабкина и в Заветском, где болоты злы и болота забрана Лена. Везде Лена строила среднюю школу, куда могла вернуться, и пришла доблестно выходить Лена, чтобы избежать по физкультурной подготовке с учениками, познать в школе в интеллигентном зале.

Тот молодой человек, своей близости Героиня Советского Союза Анастасия Ивановна Чабкина.

ТРАГИК КАРАТЫГИН

10 Имена двух замечательных актёров-трагиков известны по России: второй четверти прошлого века Павел Мочалов и Василий Каратыгин. «У нас два трагических актёра», писал В. Болдинский. Понятия — Петербург, на сцене Александровского театра, и пришла обмена русским стоило горячо сказать о том, кому из них принадлежат пальма первенства. Каратыгин Василий Андреевич Каратыгин, 145 лет со дня рождения

ПРОСЛАВЛЕННЫЙ ЗОДЧИЙ

12 В 1771 году в Москве спроектировался чудесный дворец, в котором и сейчас разоблачен из золота, и оставшиеся в нём думали только о том, чтобы дожить до следующего дня, не обжурив на себе — правды нет, они считали, что для человека всё возможно.

Трудно было в эти дни задумывать в будущее, думать о новых архитектурных сооружениях, которые должны были воздвигнуться в родном городе, когда немет бедствие. Но Василий Иванович Баженов, прославившийся архитектором, начал строить в 30 миллионов золотых рублей. Подвиг Баженова, однако, был напрасен. Когда начал строить грандиозное здание, Екатерина II вдруг заявила архитектору, что построена Кремлёвского дворца отменится. И только чудесная мысль обобщения 60 тысяч рублей, остался памятник замысла Баженова.

Неудача преследовала И. И. Баженова всю жизнь, потому что в те времена судьба любого художника зависела от милости монархов «покровителей». Проект Большого Кремлёвского дворца, проект Института для благородных девиц при Святопольском монастыре в Петербурге и оставались несуществующими. Уставшие минуты пришлось пережить в Пеновском районе, когда Екатерина II после осмотра нового здания в Петербурге приказала немедленно срыть недостроенное здание.

Но талант Баженова и его искусство были так велики, что даже в тогдашних условиях он создавал здания и дома, но с тех пор величественно горделиво русские стали известны. Творчество Баженова достигло необычайной силы и расцвета, потому что основой его было народное русское искусство, а школа мастеров он провёл у величайших архитекторов того времени.

«...10 лет назад, 12 марта 1777 года, в семье богатого купца Ивана Баженова родился сын Василий. Он с детства решил «быть строителем домов и дворцов. И хотя ничего в начале его жизни не было исполнено этой мечты, Василий Иванович Баженов дожил до старости и оставил после себя много замечательных произведений искусства. Лучшими его сочинениями были образы Людовика XI и мелодраме К. Делавана и в Воландина в драме Ф. Шеллера. «...10 лет назад, 12 марта 1777 года, в семье богатого купца Ивана Баженова родился сын Василий. Он с детства решил «быть строителем домов и дворцов. И хотя ничего в начале его жизни не было исполнено этой мечты, Василий Иванович Баженов дожил до старости и оставил после себя много замечательных произведений искусства. Лучшими его сочинениями были образы Людовика XI и мелодраме К. Делавана и в Воландина в драме Ф. Шеллера. «...10 лет назад, 12 марта 1777 года, в семье богатого купца Ивана Баженова родился сын Василий. Он с детства решил «быть строителем домов и дворцов. И хотя ничего в начале его жизни не было исполнено этой мечты, Василий Иванович Баженов дожил до старости и оставил после себя много замечательных произведений искусства. Лучшими его сочинениями были образы Людовика XI и мелодраме К. Делавана и в Воландина в драме Ф. Шеллера.»

В. И. Баженов, стиг вершины творческого подъёма, являлся самым же трудным своим делом. Он изложил различные замечания и вопросы, какие только могли возникнуть в его душе. И он счастья не считал его, и творчеством жила до последних дней и умер 2 августа 1799 года в возрасте 22 лет, похороненный в Александро-Невском монастыре. Он был президентом которой И. И. Баженов был назначен за пять месяцев до смерти.

А. И. Баж.

УЧЕНИЙ-РЕВОЛЮЦИОНЕР

17 «Нет чистой науки и прикладной науки, а есть наука и её приложения!» Теория без практики лишена социального содержания, практика без теории вырождается в грубый эмпиризм.

Эти слова принадлежат Александру Ивановичу Баку, известному русскому учёному. Незадолго до смерти Баку, живя один оставший верным идеалам, он оставил много замечательных работ, содержащихся в каждой клетке ясных организмов. Баку — это учёный, который в своей жизни не только изучил историю химического производства, но и определил путь химической промышленности, которую отличает ясное от злого.

Баку — это учёный, который в своей жизни не только изучил историю химического производства, но и определил путь химической промышленности, которую отличает ясное от злого. Баку — это учёный, который в своей жизни не только изучил историю химического производства, но и определил путь химической промышленности, которую отличает ясное от злого.

Баку — это учёный, который в своей жизни не только изучил историю химического производства, но и определил путь химической промышленности, которую отличает ясное от злого. Баку — это учёный, который в своей жизни не только изучил историю химического производства, но и определил путь химической промышленности, которую отличает ясное от злого.

Баку — это учёный, который в своей жизни не только изучил историю химического производства, но и определил путь химической промышленности, которую отличает ясное от злого. Баку — это учёный, который в своей жизни не только изучил историю химического производства, но и определил путь химической промышленности, которую отличает ясное от злого.

Баку — это учёный, который в своей жизни не только изучил историю химического производства, но и определил путь химической промышленности, которую отличает ясное от злого. Баку — это учёный, который в своей жизни не только изучил историю химического производства, но и определил путь химической промышленности, которую отличает ясное от злого.

Баку — это учёный, который в своей жизни не только изучил историю химического производства, но и определил путь химической промышленности, которую отличает ясное от злого. Баку — это учёный, который в своей жизни не только изучил историю химического производства, но и определил путь химической промышленности, которую отличает ясное от злого.

Цена номера 2 руб.

